

О богохульниках и церковных мятежниках, вторая — О государственной чести, и как его государственное здоровье оберегать. Главы разбиты на статьи.

Текстом можно назвать каждый из рассмотренных сво-
дов законов. Он относительно закончен, обладает таким
признаком, как членимость (т. е. он делится на главы, ста-
ты, при этом каждая глава и даже статья также может быть
признана самостоятельным текстом, т. к. она не теряет сво-
ей информативности). В каждой статье, главе и в целом в
Судебниках отражаются связи и зависимости, которые
имеются в самой действительности. Это признак оформле-
ния смысловой цельности текста, последовательности раз-
вития мысли, которая помогает определить особенности
внутренней организации текста. Текст разбит на главы,
внутри глав имеются статьи, каждую статью можно на-
зывать текстом. Между собой статьи связаны повторяющи-
мися словами, местоимениями, единой структурой по-
строения статьи. Каждая статья — это сложноподчиненное
предложение или несколько предложений, первая часть
которого — придаточное условное. Условная синтаксиче-
ская конструкция является основным структурным элемен-
том изложения законов еще со времен Русской Правды и
вытекает из самого содержания. В главном предложении
выражается какая-то общепринятая норма поведения, ко-
торая должна выполняться при наличии условия, выражен-
ного в придаточном предложении. Средствами связи в

условном предложении выступает русский союз *а*; *и*, *ино* —
в главном предложении: *А каков жалобник к боярину при-
идет, и ему жалобников от себе не отсылати, а давали
всем жалобникам управа в усьми, которыми приаже*
[3, 53]. В Уложении царя Алексея Михайловича эта форма
немного изменяется, преобразуясь в форму: *а будет*, с тем
же союзом *и*: *а будет кто в государеве дворе кого заде-
реть, и з дерзости ударит рукою: и такова тут же
изымати, и не отпускаячи его про тот бой сыскати* [5,
18]. Такая форма построения предложения является наибо-
лее подходящей для выражения норм поведения. Также
условная синтаксическая конструкция является важным
элементом организации структуры текста.

Своды законов Московской Руси — тексты, они объ-
единены единой темой, внутри которой есть деления на
подтемы, что свойственно текстам большого объема.
Они подчинены одной цели: оформить правила ведения
судебных разбирательств, установить единый закон во
всем государстве. Каждая глава максимально полно
стремится раскрыть вопросы правосудия.

Принципы организации текстов о нормах права
проходят развитие. Совершенствуется их структура.
Она определяется важностью институтов общества.
Оформление идет от сплошного текста к разделению
его на статьи и главы, объединяющие тематические
блоки.

Литература

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Ин-т русс. языка им. В. В. Виноградова. — 4-е изд., доп. — М.: Азбуковник, 1994. — 922 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Сов. энциклопедия, 1990. — 685 с.
3. Памятники русского права. Вып. IV / под ред. проф. Л. В. Черепнина. — Гос. изд-во юр. лит.-ры. — М., 1956. — 632 с.
4. Памятники русского права. Вып. V / под ред. проф. Л. В. Черепнина. — Гос. изд-во юр. лит.-ры. — М., 1959. — 666 с.
5. Памятники русского права. Вып. VI / под ред. д-ра юр. наук К. А. Софроненко. — М., 1957. — 503 с.

О. В. Зуева (Минск, Беларусь)

МЕСТО СТИЛЯ ЭПИСТОЛЯРНЫХ ТЕКСТОВ XI–XVII ВЕКОВ В СИСТЕМЕ ПИСЬМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА ДОНАЦИОНАЛЬНОЙ ЭПОХИ

Изучение стилистики письменных памятников XI–
XVII вв., относящихся к одному жанру, требует обра-
щения к стилю как совокупности структурно-
композиционных и языковых особенностей анализируе-
мых групп текстов. При таком подходе в качестве сти-
леобразующих факторов рассматриваются: 1. структур-
ная организация, или архитектура, текстов (определя-
ется типичная содержательная структура письменных
речевых произведений, описывается ее лексико-
грамматическая, в первую очередь формульная, экспли-
кация); 2. разноуровневые лингвистические ресурсы,
используемые в письменной коммуникации (анализиру-
ется характер экспрессивной маркированности языко-
вых средств и их роль в текстообразовании). Описание
структурно-смысловой организации текстов и представ-
ленных в них маркированных языковых явлений цели-
ком подчинено функционально-стилистическому анали-
зу памятников: недостаточно констатировать наличие
или отсутствие у данных языковых факторов стилистиче-
ской окраски; необходимо выяснить, в тексте какого
типа памятника использованы единицы или приемы, в
какой композиционной части и с какой целью, отмечены
они в составе клишированных конструкций или свобод-
ных, и, суммируя наблюдения, установить значимость
явлений для конституирования стилистической специ-
фики исследуемого источника. Стилистическая специ-
фика, в свою очередь, определяется не как самоста-

точное свойство текста, но как обуславливающая его
место во всей системе письменности.

Древнерусские памятники эпистолярного жанра XI–
XVII вв. характеризуются общностью структурной ор-
ганизации, а именно возможностью выделения в них
относительно самостоятельных содержательных фраг-
ментов, различные последовательности и комбинации
которых собственно образуют текст письма. Анализ
более чем 840 посланий, различающихся характером
взаимоотношений коммуникантов и тематикой (частные
бытовые, частные духовные, официальные служебные и
др.), позволил выделить 11 смысловых блоков «идеаль-
ной» содержательной структуры, воплощающейся с
различной степенью полноты в конкретных письмах [1].
Одни блоки присутствуют во всех посланиях; другие
характерны лишь для определенных их видов. Языковое
наполнение смысловых блоков осуществляется, в пер-
вую очередь, посредством устойчивых речевых формул,
выбор и лексико-грамматическое варьирование которых
обусловлены двумя основными факторами: разновидно-
стью письма и личностями отправителя и получателя
(не только с точки зрения их индивидуальных характе-
ристик, сколько с точки зрения их социальных ролей).
Временной фактор, как показывают наблюдения, менее
значим: структура письма того или иного вида сохра-
няется без значительных диахронических изменений.
Например, блок «сообщение о себе» широко представ-

лен в частных и официальных посланиях светского содержания (самая ранняя фиксация блока – берестяная грамота XI в.: *по здоровоу ва* ('вам') *есмы* [2, с. 274]), но частным или официальным посланиям духовной тематики блок неизвестен вообще. Формулы, эксплицирующие данный блок в разных текстах, при своем смысловом инварианте имеют значительные лингвостилистические различия.

Сравним:

1. Частное бытовое письмо: *А пожагуеш похощ вѣдат о мнѣ і я на Москвѣ – октября по АІ число з живыми а брат... в прежней скорби а дѣти ево и у тѣбя в дому дал бгѣ здорово*, XVII в. [3, с. 16]. Фрагмент содержит не книжные языковые явления: полногласие (*здорово*), отражение произношения (стяжение *похощ*), инфинитив на -ть (*вѣдат*), разговорный предлог с локальным значением (*на Москвѣ*), повтор сочинительных союзов, в том числе для выражения подчинительных условных отношений (*а пожагуеш похощ вѣдат о мнѣ і я... а дѣти ... и у тѣбя в дому...*).

2. Официальное фатическое письмо: *Ащели... пожагуеш похощеш спросити о нашемъ пребываньи; и язъ... тѣлеснѣ живѣ, а душевнѣ Богъ вѣсть; а здеся... въ вашей Царской вотчинѣ, въ пресловущемъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ, Сентября по 15 число, далъ Богъ, здорово все*, XVII в. [4, с. 32]. Использование книжных фонетических (*похощешъ, градъ, здорово*) и лексико-грамматических средств (*пребыванье, ащели, спросити, въ пресловущемъ въ царствующемъ*) обусловлено ритуальным характером фатического общения, а также церковным саном одного из коммуникантов. При этом в тексте представлены не книжные языковые факты (повтор предлогов, вводный оборот *далъ богъ*), что указывает на гибридный характер языка письма.

Примеры лингвистической дифференциации формул можно продолжить, и всякий раз ряды оборотов будут демонстрировать отсутствие стилистического единства языка писем. Сравним:

1. Блок «констатация получения письма»: официальное служебное послание: *Ваша государская святительская грамота до насъ дошла*, XVII в. [там же, с. 32]; официальное фатическое послание: *Вашего святительства честное писаніе до Государя сына нашего... доиде*, XVII в. [там же, с. 11].

2. Блок «стремление поддерживать контакт с адресатом»: частное бытовое письмо: *Чтобы еси не держала меня безъ вѣсти о своемъ здоровьѣ*, XVI в. [там же, с. 3]; частное деловое письмо: *обо всемъ писать бы мнѣ вскоре про домашня живѣ*, XVII в. [5, с. 114]; официальное фатическое письмо: *о своемъ здравіи и спасеніи честнѣйшими своими писаними дабы посещать*, XVI в. [6, с. 61] и др.

Отметим, что неформальная часть текста в той же степени (и даже более прозрачно) отражает стилистическое различие способов передачи одного языкового значения.

Соотношение в посланиях книжных либо не книжных средств позволяет рассматривать их стиль как репрезентацию того или иного типа письменного языка XI–XVII вв. Мы разделяем концепцию регистровой стратификации русского письменного языка донациональной эпохи, в рамках которой языковая и речевая культура, зафиксированная в текстах XI–XVII вв., рассматривается как реализация одного из четырех регист-

ров (типов, языкового употребления): стандартного церковнославянского (язык канонических литургических текстов), гибридного церковнославянского (язык летописей, исторических повестей, хождений, сочетающий в различных пропорциях книжные и не книжные элементы), делового (язык официальных и частных актов), бытового (язык повседневно неофициального общения). Стандартный и гибридный церковнославянский принадлежат к книжному языку; деловой и бытовой – к не книжному. Наши исследования показали, что эпистолярный жанр присутствует во всех регистрах письменности. «Сквозным», хотя и не преобладающим ни в одном виде писем, является гибридный регистр.

Типологическая и регистровая классификации писем не соотносятся полностью, тем не менее, зависимость степени книжности письма от сферы и темы общения устанавливается регулярно. Эпистолярный жанр, таким образом, принципиально «разнотипен». Это панхроничное свойство посланий проявляется в отсутствии функционального эпистолярного стиля в современном русском литературном языке: письма обслуживают все сферы общения, поэтому в них могут быть использованы любые лингвостилистические средства.

Однако, по сравнению с материалами современной переписки, исторические памятники отражают более сложную экстра- и собственно-лингвистическую обусловленность стилистического противопоставления текстов и, соответственно, более сложный характер этого противопоставления. Во-первых, в рамках одной разновидности письма обнаруживаются тексты, значительно различающиеся в плане соотношения книжных и не книжных средств. Во-вторых, наоборот, известны послания разных видов, не имеющие стилистических различий. Главная причина двух названных противоположных явлений одна: влияние личности адресанта (не проявляющееся в такой степени в текстах других жанров). Нетипичный для данного типа письма выбор книжных или не книжных языковых форм, отражающий авторское отношение к создаваемому тексту, обусловлен, во-первых, тем, к какой социокультурной сфере относит свою коммуникативную деятельность пишущий: церковной или мирской. Во-вторых, выбор зависит от социального статуса адресанта. В силу этого бытовое письмо духовного лица может приобретать свойства учительного послания, а частное письмо монарха – свойства распорядительного документа.

Таким образом, эпистолярные тексты XI–XVII вв. представляют уникальную жанровую группировку: созданные для осуществления общения в разных сферах деятельности и посвященные различной тематике, представленные значительным числом типов и видов и отражающие широкий диапазон лингвостилистических средств, они, тем не менее, репрезентируют одну текстовую модель. Стилистика собственно-лингвистическая и стилистика структурно-композиционная могут не обуславливать, а дополнять друг друга как две относительно независимые характеристики эпистолярного текста. Например, содержательная структура частных и официальных духовных писем различна, но языковой стиль у них общий; содержательная структура частных и официальных фатических писем общая, но языковой стиль различен. Степень клишированности элемента содержательной структуры текста, как правило, не влияет на (не)книжность эксплицирующей его синтаксической конструкции, в то время как выбор стилистически значимых морфологических и лексических средств часто

напрямую зависит от устойчивости контекста и композиционного фрагмента (защит, семантика, заключение). Обнаружение среди всех разновидностей писем текстов гибридного регистра является подтверждением

положения о том, что данный тип языкового употребления оказался наиболее «перспективным» в истории языка и лег в основу русского литературного языка нового времени.

Литература

1. Зуева, О. В. Русские памятники эпистолярного жанра XI–XVII вв. как предмет лингвистического исследования / О. В. Зуева // *Вестник Белорус. дзярж. ун-та. Сер. 4: Філалогія. Журналістыка. Педагогіка*. – 2007. – № 3. – С. 35–40.
2. Зализняк, А. А. Древненовгородский диалект / А. А. Зализняк. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 872 с.
3. Грамотки XVII – нач. XVIII в. / изд. подгот. Н. И. Тарабасова, Н. П. Панкратова, под ред. С. И. Коткова; АН СССР, Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 1969. – 415 с.
4. Письма русских государей и других особ царского семейства, изданные Археографической комиссией (1326–1653). – М., 1848. – VIII, 326, 24 с.
5. Котков, С. И. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII – начала XVIII веков / С. И. Котков, Н. П. Панкратова. – М.: Наука, 1964. – 312 с.
6. Послание новгородского архиепископа Макария митрополиту Даниилу Жмакин. В Митрополит Даниил и его сочинения / В. Жмакин; Издание Императорского общества истории и древностей российских при Моск. ун-те. – М.: Университетская типография, 1881. – С. 57–62.

М. В. Иванова (Санкт-Петербург, Россия)

ГРАММАТИКА КАК ПРИОРИТЕТНЫЙ ТИП ТЕКСТА В ЗАПАДНОРУССКОЙ КНИЖНОСТИ XVI–XVII вв.

Западнорусская книжность – особое направление в христианском богословии и философии, обусловленное сложными условиями формирования унияства, различными формами католического и протестантского влияния. Реакцией на подобные культурно-исторические условия рубежа XVI–XVII вв. было мощное развитие полемической литературы. Полемические трактаты стали одним из доминирующих типов текста и оказали влияние на складывание иных типов. Специфику полемического трактата определял риторический дискурс: полемика велась в форме потенциального диалога с конфессиональным противником с целью демонстрации «правильности» собственной религиозной позиции. Несмотря на подобную структуру организации текста, он, по сути, оставался псевдидиалогическим, поскольку итоговое убеждение противника часто не достигалось, уступая место монологической презентации вероисповедных принципов [1]. Несомненным достоинством этого типа текста являлась возможность вариативности тем: тематизируется дискурс политики и права (трактаты М. Смотрицкого первой половины 1620-х гг.), однако в рамках полемической литературы не представляется возможным говорить о нормативности. Такой тип текста мог лишь представлять, презентировать знание, в том числе философское, но не регулировать его.

На регулятивное значение претендовал катехизис, изложение основ православной веры. В то же время, и в вероучительной литературе можно видеть влияние полемического типа текста. Так, например, в Большой Катехизис Лаврентия Зизания были включены такие положения, которые не имели права на места в нем: о кресте – против протестантов, о чистилище, о крещении русского народа – против католичества. В катехизисах появлялись и астрономические (учение о планетах, светилах), антропологические, натурфилософские (учение о стихиях) представления, вследствие чего ни один из них не мог стать символической книгой православной церкви [2, 134].

Господствующими тенденциями эпохи стали, с одной стороны, включение светского, секуляризованного знания в традиционный репертуар экзегетической литературы, с другой стороны, стремление нормативизировать это знание, сделать его общезначимым и наукообразным. Обе эти тенденции воплотила в себе грамматика как особый тип текста, получивший распространение в конце XVI–XVII вв. К наиболее значимым грамматическим руководствам, без сомнения, относятся «Грамматика словенская»

(1596 г.) Лаврентия Зизания [3] «Грамматика словенская» (1619 г.) Мелетия Смотрицкого [4]. Появление грамматик знаменовало собой несомненное зарождение просветительских тенденций в восточнославянском культурном ареале. Риторическое начало, начало презентующее, особенно ярко проявившееся в полемической литературе, конкурировало с началом грамматическим, нормативно-регулятивным. Грамматизация знания была каналом, по которому проходила и герменевтизация знания, развитие рациональной герменевтики. В сущности, это приводило к следующему.

Во-первых, установление и развитие герменевтического критерия применительно к тексту означало закрепление личностного, авторского начала. Это, в свою очередь, давало возможность не риторического, а логического представления знания, давало возможность перейти от риторического убеждения к рациональной логической аргументации. Знание становилось необходимым специфическим образом организовывать истину необходимо не показывать, прибегая к авторитетным ссылкам на Священное Писание, но доказывать, опираясь на *ratio*.

Во-вторых, в восточнославянских грамматиках разрабатывается особая лексика для различных областей знания, поскольку тематизируемые антропологические, натурфилософские, социально-политические представления требовали адекватного лексического оформления. Автор «Грамматика словенской», Лаврентий Зизаний, является одновременно и автором «Азбуки» – «Науки кучитаню и разумению писма словенского». Важнейшую часть в ней занимает «Лексис, сиречь Речения, вкратце събранны. И из словенского языка на простой Руский диалект истолкованы» [5]. В книге дана терминология биологическая (основным источником служила «Книга о животных» Аристотеля), юридическая, сельскохозяйственная, медицинская, ремесленная, торговая, оружейная, географическая, этнографическая, а также терминология административного управления и социальных отношений в государстве. Особое внимание в «Лексисе» было уделено философской лексике: философия – мудрость, любление мудрости; философ – мудрый, кахающийся в мудрости; ведение – свядомость, веданье; смысл – розум; истина – правда; бытие – бытность; качество – якость; количество – колкость; существо – истность; насущный – тот, который тойж истности ест; случай – трафунок, притрафлене, примет.